

ОДИН ДЕНЬ ТЬМЫ

A movie poster for the Russian film 'One Day of Darkness'. The title is at the top in a stylized white font. Below it, a young man and woman are shown in a close embrace on a rooftop. The man is wearing a light grey trench coat over a red shirt and jeans, while the woman is in a black trench coat. They are looking towards the camera. The background is a dramatic sunset sky with silhouettes of birds and a city skyline, including a prominent skyscraper. The overall mood is romantic and suspenseful.

Екатерина Неволнина

Екатерина Александровна Неволина
Один день тьмы
Серия «Пленники сумерек», книга 3

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=435265
Один день тьмы: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-42791-8

Аннотация

Я живу в мире, в котором нет ничего, кроме тьмы. И нет иного выхода, кроме как впустить ее в себя и самой сделаться тьмой, добившись безграничной власти над миром. Ведь именно этого должны хотеть все создания ночи? Только в глубине сердца, за пределами сознания, трепетным огоньком мерцает любовь. «Артур», – шепчу я, но имя это умирает на губах, потому что все давно поменялось местами и самые страшные враги стали моими друзьями. Мне теперь по пути с тем, кто безжалостно преследовал меня и подарил смерть. Мы стали неразлучны – я и Ловчий...

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	29
Глава 3	44
Глава 4	60
Глава 5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Екатерина Неволина

Один день тьмы

Несс и Дерку. Моим особенным друзьям

Пролог

Я узорный рукав омочила в вине.
Скоро алым окрасится снежный покров...
Выпей всю мою боль и забудь обо мне,
Дева нежная вечнозеленых холмов.

Выплетают цветы за узором узор,
Льнут зеленые пряди к бессильной руке.
Отчего так безжизнен и холоден взор,
Отчего замирают шаги вдалеке...

Позабудь, отпусти, обними, обмани!
Мне слезинка твоя выжгла сердце дотла.
Что ж ты плачешь, сестра? Что ж ты плачешь,
сестра?
Я уже умерла... Я давно умерла.

В коридоре мигала лампочка, все никак не решаясь погаснуть. Я стояла, прислонившись к обшарпанной стене, искалеченной глубокими трещинами, и смотрела в пустоту.

Свет и тьма сменяли друг друга перед моими глазами. Две стороны одной старой истертой монеты – свет и тьма, день и ночь... Когда-то я любила солнце...

Все изменилось. Я положила руку на грудь. Сердце не би-

лось. Отныне мир живых больше не являлся моим миром.

Давным-давно, когда солнце еще не было безжалостным, а ночь не стояла за моим плечом, напряженно дыша в затылок, жила на свете девочка. У нее был свой уютный маленький мирок – любящие родители, верный пес по имени Джим, в ее душе жила уверенность в завтрашнем дне, ведь она видела только светлые, только яркие краски мира. Потом, как и водится в волшебных сказках, в ее жизнь вошел принц и его отец – старый король, взявший девочку в свой сказочный дворец.

Однако это оказалась настоящая старая сказка – та самая, которая не заканчивается словами «и жили они долго и счастливо», та самая, где принцесс убивают.

Хрустальный домик разбился на кусочки, рассыпался прахом и разлетелся по ветру. Семья девочки оказалась приемной, верный пес погиб, отдав свою жизнь в обмен за ее, а старый король был слишком стар и давным-давно забыл, что такое милосердие, зато прекрасно помнил, как влиять на людей, заставляя их действовать в собственных интересах... Что у нас еще осталось? Ах да, прекрасный принц. Ну вопрос с принцем решился довольно легко. Кажется, его тоже убили как раз незадолго до смерти принцессы. Такая вот сказка. Немного жуткая, но что уж поделать. Я ее не выбирала, мне просто приходится в ней жить.

На чем я там остановилась?

Итак, принцесса умерла и стоит теперь в обшарпанном ко-

ридоре с одинокой мигающей лампочкой, терзаемая страшным голодом. Голод жжет ее тело огнем, голод окрашивает весь мир перед глазами в кроваво-красный. Он в каждой ее мысли, в каждой клеточке ее тела – раздирающий, настойчивый, властный.

Я закрыла глаза, пытаюсь отгородиться от этого ужасного чувства, однако оно было подобно девятому валу, сметающему на пути все преграды. Рубежи защиты падали один за другим, сознание мутилось. Еще миг, и чудовище, скрывающееся где-то внутри меня и смотрящее на мир моими глазами, обретет свободу.

– Полина!

Мое собственное имя показалось мне чужим и странным.

Я оглянулась. Молодой черноволосый человек в порванной черной рокерской кожанке стоял прямо за моей спиной. В умении передвигаться бесшумно ему не откажешь.

– Полина, – повторил он, и его тонкие губы сложились в ироничную усмешку, – я вижу, что ты готова к охоте.

Часть I

ПЕРВАЯ ОХОТА

Глава 1

Он называл себя королевским Ловчим и некогда казался мне воплощением всех кошмаров. Он был тем, кто убил меня и подарил мне новую жизнь во тьме. Жизнь вампира, нежизнь, если уж говорить откровенно.

Если взять немного древнего неконтролируемого ужаса и замешать его с той привязанностью, которую каждый вампир испытывает к своему создателю, добавить щепотку ненависти и капельку искреннего восхищения, то получалось как раз такое чувство, которое я испытывала к Ловчему. Он был моим создателем и вместе с тем продолжал оставаться врагом.

Поэтому, когда он предложил научить меня охотиться, я лишь презрительно улыбнулась.

– Спасибо, справлюсь сама, – сказала я, мельком подумав при этом, что потом, когда я всколыхну этот застоявшийся мир и сама начну управлять им (иначе какой смысл? Назад пути нет, а значит, я должна извлечь из нынешнего положения выгоду), никто не сможет сказать, что научил меня

всему, никто не вспомнит моих первых неуклюжих шагов. Я позабочусь о том, чтобы свидетелей не осталось. Я сама научусь охотиться – ведь это такие пустяки. Артур... Нет, не хочу думать об Артуре. Он наверняка мертв. Прошло время оглядываться, нынче нужно смотреть только вперед.

– Сама? – правая бровь Ловчего насмешливо поползла вверх, а в диких волчьих глазах зажегся огонек интереса. – Ну что же, посмотрим.

Отвечать на столь неприкрытое хамство я не собиралась и поэтому молча направилась к выходу.

Под ногами скрипели бутылочные осколки, помещение заброшенного завода, где обосновалась Королева и ее люди, находилось в аварийном состоянии. Разбитые стекла, огромные трещины и груды мусора по углам – таковы оказались реалии жизни вампиров, называемых дикими. Я невольно вспомнила уютный дом на Арбате, где обитал Отец Артура, старейшина и глава Московского Дома вампиров. Разница оказалась существенной, но, если подумать, даже лучше, что моя жизнь начиналась именно здесь. Тем большему я смогу научиться и, поднявшись из самых низов, разобью уютный вампирский мир вдребезги. И старейшина в своем роскошном особняке еще пожалеет, что пытался использовать меня в своих играх.

Я вышла на улицу. Серый зимний вечер на окраине мегаполиса... снег, смешанный с грязью, полуразвалившийся забор, нездорово-алый свет, окутывающий город, словно кро-

вавая пелена... Теперь это мой мир. Я раскинула руки, словно пытаюсь обнять затихающий город, и на миг застыла на пороге, словно на границе двух миров. Начиналась моя первая охота, первый шаг к новому для меня существованию.

Я сошла с крыльца, миновала пустырь, вышла за пределы огороженной территории и двинулась по улице. Под ногами поскрипывал снег. Точно так же, как целую жизнь назад. Только теперь холод уже не преследовал меня, и только свернувшийся в животе голод гнал вперед, обостряя инстинкты. Оказывается, теперь я прекрасно вижу во тьме и слышу тысячи оттенков звуков, а голова работает как никогда ясно. Это было похоже на волшебство – целый спектр новых возможностей. Мне нравилось это состояние. Как-то, когда я залпом выпила бокал шампанского, у меня было сходное чувство. И все-таки сейчас все ощущалось по-иному. Красочнее, острее, резче. В общем, приятно, если бы не сосущее болезненное чувство внутри. Голод – я впервые ощутила, что это такое. Человеческое чувство голода так же слабо по сравнению с вампирским, как свет свечи рядом с солнцем. Не испытав его, никак не прочувствуешь, что это такое. Тысячи острых крючочков, разрывающих внутренности, одна-единственная мысль, затмившая все остальные, тянущая монотонная боль – это лишь приблизительные описания вампирского голода. Но хватит пустых слов. Пора бы перейти к делу. Я украдкой разглядывала проходящих мимо людей. Все они словно были отлиты по одной форме: с поднятыми во-

ротниками, сосредоточенные и хмурые. Зато от каждого веяло теплом. Тепло, надежность, пища – этого так не хватало мне сейчас! Я почувствовала странный зуд во рту и ощупала языком зубы. Так и есть – клыки удлинились, а горло пересохло и страшно саднило. Мне нужно совсем немного тепла... Совсем немного...

Люди проходили мимо, спеша по своим делам, а я так и стояла, следя за ними настороженным голодным взглядом. Можно было бы поискать какого-нибудь негодяя – маньяка, грабителя, насильника, но я пока не понимала, облегчит это или усложнит работу. Я еще не знала пределов своих возможностей, я привыкла к тому, что я, очень худая и никогда не отличавшаяся физической силой, просто-напросто не справлюсь со здоровым мужиком. Оставались еще всякие маргинальные элементы, но это оказалось слишком противно...

– Привет, красивая, не мерзнешь?

Кажется, еда сама нашла меня.

Ко мне подошел мужчина, не очень молодой, где-то между тридцатью и сорока, обычный человек в черной дубленой куртке, джинсах и идиотской круглой шапочке. Лицо красное. «Полнокровный», – почему-то подумалось мне, и я невольно сглотнула. Слюна оказалась тягучей и словно бы густой.

– Д-да, оч-чень мерзну, – от волнения зубы сами собой принялись выбивать дробь.

– Извини, я, кажется, ошибся, – он резко отступил от меня и быстро зашагал прочь.

Я в изнеможении закрыла глаза. Ну надо же быть такой дурой! Зачем я упустила его? Что его спугнуло? Надо лучше держать себя в руках. Стыдно истерить, тем более учитывая собственные грандиозные планы. Стыдно и смешно.

Постаравшись успокоиться, я вновь зашагала по улице. Можно считать шаги. Первый, второй, третий... На тридцатом я увидела ее – девочку лет пяти. Она выбежала из открывшейся двери магазина к закутку между домами.

Я быстро оглянулась по сторонам – никого, и последовала за ней.

Девочка с интересом изучала нагромождение сосулек у водосточной трубы. Получилось и вправду красиво, как во дворце Снежной Королевы.

– Привет! Что ты делаешь здесь так поздно? – спросила я, краем сознания понимая, что, наверное, не стоит разговаривать с... ну, в общем, понятно с кем, но человеческие привычки слишком укоренились во мне. – Где твоя мама?

– В магазине, – беззаботно заявила девочка, показав варежкой в сторону здания, из которого недавно вышла.

На девочке была пятнистая шубка, ярко-красные шапка с помпоном, сапоги и варежки. Я разглядывала ее со смешанным чувством, еще не до конца понимая, что собираюсь делать.

Девочка подняла на меня доверчивые голубые глазенки и

вдруг неожиданно спросила:

– А ты кто?

– Никто, – ответила я, начиная злиться. Терпеть не могу дурацкие вопросы, на которые все равно нет ответов.

Что-то со мной было не так, потому что девочка, как и тот мужчина, что окликал меня недавно, вдруг испугалась. Она тоненько вскрикнула и попыталась убежать. Но тут с весовыми категориями все было в порядке. Я схватила ее, развернула к себе и заглянула в блестящие слезами глаза.

– Ты будешь слушаться меня! Ты будешь молчать, поняла? Что бы ни случилось. Это только сон. Ты спишь, – говорила я каким-то чужим хриплым голосом. Горло уже раздирало от боли. Хотя бы немного влаги, мне нужно совсем чуть-чуть... Никто и не заметит...

Девочка сонно кивнула, и глаза ее и вправду стали слипаться. Вот на разбуряившиеся на морозце щеки опустились длинные ресницы, на которых серебряными капельками застыли недавние слезы.

Путаясь в шарфе, я дрожащими от нетерпения руками расстегнула верхние пуговички пятнистой шубы.

От детской кожи пахло очень приятно. Молоком и домом. Домом, в который теперь мне не было возврата. Прислушиваясь к этим ощущениям, я замешкалась. Нет, невозможно. Я не смогу сделать этого, никогда не смогу!

Полная отчаянья, я оттолкнула от себя девочку, и она, упав в снег и очнувшись, заплакала и, топая, как молодой

слоненок, побежала прочь, громко зовя: «Мама! Мама!»

Я опустилась на колени, зажала уши руками и согнулась пополам, разрываемая тяжелой жгучей болью. Плохо! Как же мне плохо!

Когда приступ боли прошел, первым, что я увидела перед собой, были высокие рокерские ботинки. Поднимать голову ужасно не хотелось. Я и так знала, кто стоит надо мной.

– Ты превосходно справляешься сама, – произнес знакомый голос, не раз преследовавший меня в ночных кошмарах. – Я получил большое удовольствие, наблюдая за тобой. Помнишь Достоевского? Собираешься совершить злодейский поступок, а на натуру-то не рассчитала. Продолжай в том же духе – и распугаешь всю пищу в округе. Я не знал, что именно это ты называешь *охотой*.

Стыд обжег меня с головы до ног. Не глядя на Ловчего, я вскочила и бросилась прочь.

Я нагнала девочку почти у входа в магазин, подхватила на руки и понесла прочь. Она успела только жалобно пискнуть – не громче мышонка. Мои зубы стучали. Мне уже не столько хотелось есть, сколько доказать себе и ему, наверняка наблюдающему за мной, что я способна на поступки. Никто не дождется от меня, чтобы я, как дрессированный медведь, плясала под чужую дудку, боялась сама себя и питалась крысами, отловленными в грязном подвале. Я собиралась стать королевой, а тут уж не до миндальничания. Завернув за угол, я отступила в тень деревьев и развернула девочку к себе.

Она уже не плакала и только смотрела на меня огромными остановившимися глазами. В них застыл такой глубокий и непроходимый страх, что я невольно поежилась.

Ночь усмехнулась мне в лицо.

В детстве мы иногда играли в странную игру: слабó или не слабó. От каждого требовалось либо признать в собственной слабости и быть жестоко осмеянными товарищами, либо совершить нечто безумное: например, подойти к прохожему и прокукарекать ему в лицо, спрыгнуть с высокой ветки дерева или раскачаться на качелях так, что они едва не переворачивались вокруг своей оси. Я справлялась со всеми заданиями, кроме одного, – я отказалась подложить кнопку на стул нашей учительнице. «Ах тебе слабó!» – засмеялись тогда надо мной. «Мне не слабó сказать вам „нет!“», – ответила я тогда и, надо сказать, до сих пор гордилась этим ответом. Но сейчас... сейчас все было по-другому.

– Мне не слабó, – сказала я вслух и склонилась к детской шее.

Прокусить кожу легко. Она тонкая, словно бумага. От тебя не требуется никаких усилий, тело умеет все лучше тебя, действуя словно и не совсем по твоей воле. Кровь оказалась очень горячей и густой. А еще вкусной. Вкуснее, чем любое изысканное лакомство, которое мне доводилось попробовать. Она дарила тепло, уверенность и силу, наполняя каждую клеточку моего тела. Я чувствовала эйфорию. Глоток, еще глоток... Так жаль отрываться, но я, хотя с трудом,

заставила себя сделать это. Глаза у девочки закатились, а тело безвольно повисло в моих руках. Я прислушалась. Сердце еще билось. Но тихо-тихо и с перерывами: «Тук-тук, тук-тук, тук...»

Я огляделась. Ночь смотрела на нас во все глаза. Редкие прохожие силуэтами мелькали где-то далеко, не замечая в густой тени деревьев ни меня, ни мою добычу.

Неподалеку стояла занесенная снегом лавочка. Я отнесла туда девочку, положила на доски и попыталась оттереть с шеи следы крови, послюнявив пальцы, но получилось только хуже – вместо слюны у меня во рту тоже была кровь. Наконец я догадалась набрать в горсть снега и вытереть шею ребенка им, затем снова прислушалась. Девочка еще дышала. Тогда я замотала ее шею шарфом, застегнула шубку и остановилась над телом. Наверное, у нее еще есть шанс выжить. Может быть, позвать кого-нибудь и сказать, что ребенку стало плохо? Я вспомнила, как отшатнулся от меня мужчина. Нет, все-таки лучше не делать этого. Мама девочки должна быть где-то неподалеку. Она станет искать дочь и без труда найдет ее здесь, а мне лучше не попадаться на глаза. Прочь, скорее прочь отсюда, пока меня не заметили!

Я отошла от скамейки, еще раз посмотрела на нее с дорожки. Девочка лежала все так же неподвижно.

«Она спит. Ничего страшного, дети очень любят спать», – пробормотала я и пошла прочь.

Мне не нужно было оглядываться, чтобы знать, кто идет

за моим левым плечом.

– Я сдала вступительный экзамен? – спросила я.

И ответом была тишина. Только тихо поскрипывал под моими ногами снег, и тусклые фонари, кривясь в пренебрежительных гримасах, смотрели на меня свысока.

– Я убила ее, – снова произнесла я.

Но и небо, подернутое черно-серой муťou, упорно молчало.

Артур, ход № 1

Утро выдалось неожиданно ясным и морозным. На ошестинившемся тонкими, похожими на колючки веточками деревце сидели воробьи и чирикали во все горло. Все деревце было покрыто пушистыми серыми комочками. Это оказалось так красиво, что Таня, хотя и опаздывала, остановилась полюбоваться. Воробьи горланили, солнце еще только встало из-за горизонта, но торжественные лучи уже разбежались по всему темно-синему яркому небу, сияли тысячью огоньков на серебристой снежной корочке.

Мороз нещадно щипал за щеки, поэтому Таня потеряла их рукавицами, подмигнула воробьям и вбежала в здание больницы.

Степаныч, исполнявший обязанности охранника и вахтера, уже налил себе чаю и важно попивал его из огромной желтой кружки, сидя на своем начальственном месте.

– А, попрыгунья, – приветствовал он Таню, подавая ей ключ от флигеля, – получите и распишитесь.

– Спасибо, Степаныч. Как смена? – поинтересовалась Таня, подвигая к себе разлинованную вручную тетрадку и ставя подпись в нужной графе. На месте, где требовалось поставить отметку о времени прихода, ручка на мгновение замерла, а взгляд девушки тревожно метнулся к большим круглым, словно блин, часам, висящим на стене. Так и есть, на пять минут опоздала.

– Нормально, стрекоза. Да ты пиши ровно что там положено. Не виновата же ты, что тебя воробьи заболтали. Сам из окна видел, – гордо пояснил вахтер.

– Спасибо! – Таня обрадованно вывела цифру и послала Степанычу воздушный поцелуй, который тот шутливо поймал в исчерченную глубокими бороздами грубую ладонь и прижал к сердцу, уморительно закатив глаза.

Тем временем девушка вновь вышла на улицу и направилась к одиноко стоящему флигелю с тусклой пожелтевшей пластмассовой табличкой, услужливо сообщавшей, что за металлической дверью находится не что иное, как Областная станция по переливанию крови.

Таня уже повернула в замке ключ, когда вдруг заметила неподалеку молодого человека. Он был еще совсем мальчиком. Лет, наверное, шестнадцати-семнадцати. Черноволосый, красивый и очень-очень бледный.

Незнакомец стоял, опираясь рукой о стену здания, и Тане

показалось, что он едва держится на ногах. Он казался беззащитным и одиноким.

– Что с тобой? Тебе плохо? – окликнула его девушка.

Тот кивнул. Ну конечно, не случайно этот парень очутился на территории больницы. Сквозь расстегнутую куртку виднелась темная водолазка, разорванная на груди. В месте разрыва ткань затвердела и побурела. У Тани засосало под ложечкой. Кажется, он серьезно ранен. У нее в отделении есть кушетки. Нужно оттащить его туда, а потом вызвать дежурных врачей. Сама она была медсестрой и никогда не сталкивалась с серьезными случаями. Терять время никак нельзя. Таня открыла дверь и втащила незнакомца вовнутрь. Он действительно передвигался с трудом.

Руки у черноволосого мальчика были холоднее льда, а пульс так слаб, что Таня никак не могла его прощупать.

– Ты ранен? Потерял много крови? – спросила она, устранивая пациента на кушетке. – Потерпи, все хорошо. Все сейчас будет хорошо.

– Мне нужна кровь, – вдруг отчетливо проговорил незнакомец.

А она уж и не верила, что эти бледные тонкие губы когда-нибудь разомкнутся.

– Да, конечно. Не волнуйся, тебе сделают переливание...

Его темно-вишневые глаза смотрели прямо в нее, и Таня чувствовала, что тонет в них, словно в океане. Однажды она купалась в океане... это было здорово и вместе с тем страш-

но. Вот и теперь ощущение оказалось точь-в-точь таким же.

– Я все сделаю сам. Просто принеси мне, пожалуйста, – снова произнес он.

В этот момент Таня ясно поняла, что бригада и вправду не нужна. Ну конечно, он все сделает сам, и вовсе нет ничего необычного ни в этом пациенте, ни в его просьбе. Что может быть естественнее?

Она отправилась к холодильнику, где хранилась замороженная плазма и эритроцитная масса, разморозила их, смешала и подала незнакомцу, который, приподнявшись на кушетке, тут же выпил все.

Такого способа переливания крови Таня еще не видела, но, разумеется, в нем не было ничего особенного – очень естественный и правильный способ.

– Ты прости, мне нужно еще с собой про запас, – сказал темноволосый почему-то извиняющимся тоном.

– Конечно, я тебе сейчас сумку принесу! – обрадовалась Таня. Воробы с утра расчирикались к счастью. Ей повезло, что этот милый мальчик забрел сюда именно в ее дежурство.

Она сбегала к холодильнику и сложила в сумку подписанные пакетики.

– Спасибо, – мальчик виновато улыбнулся, – и извини... Я не причиню тебе зла, просто немного поработаю с твоей памятью...

– Таня!

Строгий голос старшей медсестры заставил девушку вздрогнуть. Она испуганно захлопала ресницами. Сколько же времени? Боже мой, что она делала с начала дежурства? Таня четко помнила нахохлившихся воробьев, облепивших маленькое тонкое деревце во дворе, Степаныча с чаем, дверь... И все. Дальше память словно отшибло.

– Почему в коридоре грязно? Я заметила след мужской ноги. Здесь кто-то был? Ты что, сюда ухажеров водишь? – продолжала допрос старшая медсестра. Ее массивная фигура закрыла солнечный свет, словно огромная гора.

– Разумеется, нет, Анастасия Сергеевна, – Таня вскочила и торопливо оправила халат – надо же, она успела надеть его, только вот интересно когда. – Сейчас все уберу, – и она заспешила в коридор.

* * *

Артур торопливо шагал по улице. День обещал быть ясным, так что лучше найти укрытие до того, как солнце поднимется в зенит. Молоденькая медсестричка понравилась ему. Она казалась веселой, словно птичка, и Артуру было немного стыдно использовать свои способности. Надо бы проследить, чтобы у нее не было из-за него неприятностей.

Но это потом, а пока нужно найти новое убежище и придумать какой-нибудь план, чтобы отыскать Полину. Связь между ними не исчезла даже сейчас. Артур ощущал легкое

покалывание в области сердца. Нить натянулась, но еще не лопнула. Нужно успеть. Нужно не дать ей разорваться.

В этот момент его настиг зов.

«Сын мой... сын мой...»

Голос Отца-создателя звучал слабо, словно из далекого далека... и... он не волновал Артура, не звал его за собой повелительно и настойчиво, как в те дни, когда Артур ушел от Полины. Теперь голос был слаб и бессилен.

Ошеломленный этим открытием, Артур остановился.

«Не может быть, – прошептал он, сжимая кулаки. – Не может быть!»

Об изгнанных Артуру рассказала Лиз, воин их Дома, учившая его боевым искусствам. Она просто упомянула слово «изгнанник», и Артуру показалось, словно по его спине пробежал холодок.

– Кто такие изгнанники? – спросил он.

– Самые несчастные существа на свете, – откликнулась Лиз. – У них нет ни Дома, ни стаи. Они отринули от себя всякое родство и остались одиноки.

– Такое бывает? – удивился Артур. Он тогда был еще совсем молодым вампиром. Шел первый год после инициации.

– Бывает, – Лиз отвела взгляд. – Но, к счастью, очень редко. Мы выживаем потому, что мы вместе, потому, что накрепко связаны со своим создателем-Отцом. Только поэтому.

И вот теперь что-то произошло, и связь между Артуром и Домом, Артуром и Отцом оборвалась. Артур прислушался к собственным ощущениям. Любовь и преданность Отцу исчезли, будто их не было, на их месте в сердце не ощущалось даже пустоты. Ничего. Нужно было все потерять, чтобы обрести свободу.

Юноша улыбнулся и двинулся дальше.

Ловчий, ход № 1

Она ушла, оставив за спиной неподвижное детское тельце так просто, как будто проделывала подобное еженощно, а все сегодняшние события вообще были в порядке вещей.

– А девчонка, пожалуй, выживет, – усмехнувшись ей вслед, пробормотал Ловчий и вздрогнул: когда-то давным-давно подобное сказали о нем самом.

Воспоминания обрушились без предупреждения снежной лавиной, сметающей все на своем пути. Он вдруг очутился в Сибирской тайге без малого сотню лет тому назад и со стороны – откуда-то сверху – увидел нелепого черноволосого мальчишку в разодранной, густо залитой кровью шинели.

– Что случилось? Что со мной? – бессмысленно повторял он, ощупывая горло, где еще недавно зияла страшная рваная рана, а теперь белела чистая, без единого шрама кожа.

Кедры, чьи кроны терялись в мареве стылого осеннего

неба, молчали.

Рядом с парнишкой валялась винтовка со сломанным штыком и тела убитых. У некоторых напрочь была снесена выстрелом голова, у других – разорвано горло так, словно их терзали звери.

– Что происходит? – беспомощно повторял молодой офицер.

Видимо, он сам не ожидал ответа на свой вопрос, потому что содрогнулся, когда на поляну вышел двухметровый здоровяк в тесной, сразу видно, с чужого плеча, шинели. Рядом с ним юноша казался совсем невысоким и хилым.

– Ты умер! Сдох! Понимаешь! – рыкнул здоровяк. Теперь стало видно, что на руках у него огромные когти.

Ловчий смутно помнил, что у тех, кто пришел к их крохотному лагерю в ночи, были длинные когти и острые зубы. Они напоминали зверей. Только во много раз сильнее и значительно опаснее. Но они тоже могли умирать, и он уничтожил множество тварей прежде, чем они добрались до него...

Юноша взглянул на свои руки, ногти на которых тоже удлиннились и заострились.

– Я стал таким же, как вы? Что мне делать? – снова спросил он.

Здоровяк расхохотался так громко, что Ловчему показалось, будто даже деревья в тайге в ужасе содрогнулись.

– Хочешь получить урок? У нас, чай, не гимназия. Хотя подойди-ка... – отхохотавшись, произнес верзила.

Молодой офицер отступил на шаг, но тот, с когтями, был уже рядом с ним. Поднялась и опустилась когтистая лапа, и юноша в изодранной шинели отлетел прочь, упав на кучу кроваво-красных листьев.

Здоровяк снова захохотал.

Уже позже Ловчий узнал ценность того первого урока. Так или иначе, главную его мораль «Каждый сам за себя, и пусть выживет сильнейший» он усвоил.

Меж тем картинка переменилась.

Теперь тот же юноша брел по бурому мху, спотыкаясь о корни деревьев и старые, обросшие серым лишаем валуны. В лесу было тихо, даже деревья молчали, будто ожидая чего-то, словно прислушиваясь. Треск выстрела разорвал заколдованную тишину.

Что-то ткнулось юноше в грудь, и тот с изумлением посмотрел на появившуюся в шинели еще одну круглую дырочку. Еще щелчок. Офицер повернулся на выстрел и, увидев врага в красноармейской папаше, кинулся к нему. Щелчок, еще щелчок... Пули входили в его тело, почти не принося боли и не причиняя ни малейшего вреда, и только испуганно заматались над деревьями растревоженные выстрелами птицы.

Меж тем последний прыжок, юноша вцепился врагу в горло и с наслаждением принялся пить его горячую кровь. Тело красноармейца несколько раз конвульсивно дернулось и обмякло.

Молодой офицер жадно пил кровь, но вот он выронил свою жертву и упал на колени, сотрясаемый спазмами, покатился по кроваво-ржавому мху. Его тошнило, выворачивая наизнанку, и выпитая кровь лилась на землю, орошая ее густыми брызгами.

Потом он лежал на колючей пожухлой траве, бессмысленно глядя в пустое темное небо.

– Зачем Ты меня оставил? Зачем? – спрашивал он у кого-то. Наверное, у Бога. Впрочем, точно сказать трудно, поскольку на этот раз ему никто не ответил.

Тут картинка сменилось в третий раз, и Ловчий отчетливо узнал себя в идущем по тайге черноволосом юноше. Теперь это был точно он – Ловчий. Тот же волчий взгляд, та же хищная плавность движений.

– А он не так плох, – сквозь зубы обронил двухметровый здоровяк, когда Ловчий спокойно, без лишней суеты, разделался с одним из собратьев, перешедших ему дорогу. – Парень, пожалуй, выживет...

Он снова очутился в реальности, словно вынырнул на воздух из глубокой воды. Темно-серое небо... Вместо высоких сосен и могучих кедров – высотки, вместо пронзительно-яркой, почти болезненной таежной осени – ранняя зима с густой кашей грязного снега под ногами.

Ловчий невольно поежился, хотя уже давным-давно забыл, что такое холод, и поспешно зашагал в сторону их вре-

менного убежища. Сегодня у него была назначена высочайшая аудиенция.

Королева приняла его в той же комнате, что и раньше. Ее медно-рыжие волосы волнами сбегали почти до самого пола, а пожелтевшее, когда-то белое, атласное платье было стянуто на тончайшей талии тяжелой золотой цепью.

Почтительно опустившись перед ней на одно колено, Ловчий поцеловал обтрепанный край подола платья своей госпожи.

– Ну что? Ну говори же?! – ее лилейно-белая рука с длинными острыми ногтями голубкой метнулась к его голове и приподняла его подбородок, а зеленовато-карие глубокие глаза нетерпеливо впились в его.

– Моя Королева, я не верю этой девчонке. Она слишком быстро ко всему привыкает, – проговорил Ловчий, не в силах отвести взгляд от омута ее пронзительных глаз.

– Так что же в этом плохого? У нее древняя кровь. Это облегчило ей переход. Нам же лучше, если ее способности быстрее проявятся. Мои подданные жаждут справедливости! Они считают каждый час, который отделяет их от войны! Девчонка нужна нам... пока...

– Я ей не верю, – повторил Ловчий, – она не может, она не должна быть такой сильной!

Одинокая лампочка, свисающая с потолка, качнулась, на стене взметнулись черные тени.

– Ты слишком волнуешься, мой верный рыцарь. – Ее медовый голос опьянял сильнее старого вина. – Все идет, как должно.

Он хотел возразить, но резко очерченные черные брови угрожающе нахмурились, и Ловчий лишь склонил голову, не обращая внимания на то, что ее ногти до крови оцарапали его щеку.

Королева медленно поднесла руку ко рту и слизнула с ногтей несколько алых капель.

– Мы отвоеваем этот город так же, как когда-то отвоевывали Париж. Помнишь, как долго он оставался нашим?... – задумчиво проговорила она. – Ах да, не помнишь. Кажется, тебя тогда еще не было с нами... Жаль, мы славно повеселились... Когда же это было? Давно. Время бежит так быстро...

Глава 2

– Пойдем, я проведу тебя в мир снов.

Королева протянула мне тонкую белую руку, обвитую браслетом в виде свернувшейся змеи со злыми рубиновыми глазами.

– Ты научишь меня ходить по снам? Я помню, как ты приходила в мои сны, – сказала я, пытаюсь отвлечься от ненужных мыслей.

В груди неприятно кололо и тянуло, как будто у меня из сердца торчала веревка, и вот теперь кто-то натягивает ее, причиняя мне странную боль. Я не хотела об этом думать. Будешь обращать внимание на всякие странные вещи – живо превратишься в чокнутую на всю голову вампиршу, а хуже судьбы я и представить не могла.

Предложение пришлось тем более кстати, что, учитывая мои амбициозные планы, мне как раз дьявольски необходимо научиться всему за самое короткое время.

– Пока ты не сможешь передвигаться там самостоятельно, но я буду с тобой, – пообещала Королева.

Осторожно, словно мне предстояло дотронуться до ядовитой змеи, я прикоснулась к тонким белым пальцам, и реальность дрогнула.

Я очутилась в знакомом черно-белом городе. Только теперь он не пугал меня, скорее вызывал настороженный ин-

терес. Черное небо над головой, белые квадраты домов, лежащие под ноги узкие улочки...

Рядом со мной была Королева. Она немного изменилась, и теперь казалась частью ночи. В ее глазах сияли звезды, тугие медные локоны словно ожили и сами собой скручивались в замысловатые спирали, а старое поблекшее платье сделалось новым и блестящим.

– Ты тоже стала немного другой, – кивнула она, поймав мой любопытный взгляд. – В мире снов все иначе, чем в реальности. Здесь мы такие, какими представляем себя. Попробуй изменить свою одежду.

Я закрыла глаза и вообразила, что тьма окутывает меня и, стекая по волосам и телу, превращается в черную накидку с капюшоном, накинутую на длинное декольтированное черное платье.

– Ты способная ученица, – в медовом голосе зазвенели льдинки.

– Ой, неужели действительно получилось?! Как здорово! Я взглянула на нее и улыбнулась, стараясь казаться как можно более беспросветной восторженной дурочкой.

Я начинала привыкать. И к лежащему вокруг городу, и к тому, какой я теперь стала. Если подумать, я уже почти забыла свою прежнюю жизнь. И это правильно, в ней не осталось ни одной настоящей привязанности. Теперь передо мной новые цели и новые дороги.

– Куда мы пойдем? Я бы хотела здесь осмотреться, – спро-

сила я Королеву.

– О, я отведу тебя в одно занятное место, – усмехнулась она. – Только тсс! Тихо! Мы будем там, так сказать, тайно! Побывав там, где тебя не ждут, можно узнать столько интересного и даже поучительного! Так что постарайся, чтобы тебя не заметили... раньше времени.

Она приложила к губам белый палец с длинным ногтем и заговорщицки посмотрела на меня.

Я кивнула. Мне уже было интересно. Куда же она отведет меня? Возможно, на совещание к старейшине Московского Дома вампиров? Было бы забавно, честное слово!

Королева вновь взяла меня за руку, и мы словно бы заскользили над черно-белыми улицами – прямо по воздуху, наши ноги не касались земли. Мы неслись с огромной скоростью, но я не чувствовала на лице дуновения ветра. Наверное, так и должно быть в воображаемом путешествии.

– Прибыли. А теперь – смотри и слушай! – велела Королева.

Мы очутились у круглого здания, чем-то неуловимо напоминающего Колизей, и присели в одну из арок-окон.

Я с любопытством глянула вниз. Внутри здания был всего один большой зал, устроенный по принципу римских амфитеатров. Все его пространство занимали каменные скамьи, ярусами расположенные вокруг небольшой круглой площадки в самом его центре.

На площадке стоял один-единственный стол и большое

кресло с ручками, выполненными в виде львиных голов. В этом кресле сидел, сложив под себя ноги, мальчик, лет, наверное, семи с виду. У него была чисто выбритая голова и белые простые одежды. Присмотревшись (у мира снов оказалось одно неоспоримое достоинство – как бы объект ни был далек от тебя, ты можешь зрительно приблизить его к себе), я увидела, что на самом деле мальчик сидит в воздухе – между ним и креслом оставалось пустое пространство.

Остальные люди, заполнявшие зал, тоже показались мне весьма интересными. Среди довольно обычных мужчин в черных или белых (слава разнообразию!) костюмах и умопомрачительных дамочек в декольтированных платьях с разрезами выше самого некуда попадались на редкость удивительные экземпляры. Например, группа, одетая, судя по всему, по сказочной волшебнической моде. У них были высокие остроконечные шляпы, расшитые серебряными звездами, и мантии, тоже в звездах по рукавам и горловому отвороту. Далее сидели люди в льняной расшитой одежде, подпоясанные чем-то наподобие веревки. Их светлые волосы были стянуты на лбу вышитыми узорчатыми лентами. Неподалеку от них, сложив под себя ноги, расположилась группа то ли китайцев, то ли японцев. Все – в шелковых халатах с лунами, драконами и прочими непонятными мне символами, у каждого из них на голове красовалась маленькая квадратная шапочка. Отдельно от них восседал бритоголовый китаец в белом, на одно плечо, одеянии, напомнивший мне Ша-

олиньского монаха. За ним разместились группка, кажется, явившаяся сюда из ночных кошмаров. На этих тварях (назвать их людьми я не вижу никаких оснований) были черные балахоны с капюшонами. А дальше начинались различия. У одних из плечей и спины торчали шипообразные выросты, другие отличались демоническими устрашающими лицами, у третьих этих лиц вообще не было – только клубящаяся под капюшоном тьма. Поодаль, с другой стороны здания, я заметила человека с головой оленя и человека с головой крокодила, а также кошку с лицом женщины и странными перистыми крыльями за спиной.

В общем, компания, что ни говори, подобралась достойная.

Я оглянулась на Королеву, чтобы задать ей вопрос, кто же все эти люди, но она приложила палец к губам и покачала головой. Ну конечно! Мы же здесь нелегально. Оставалось только затаиться и слушать.

– Теперь, когда то, чего все боялись, свершилось, мы, братья и сестры, должны отринуть былые распри и принять одно единственно верное решение, – говорил тем временем мальчик в кресле неожиданно громким и совсем не детским голосом.

В зале зашумели.

– Попрошу соблюдать спокойствие и помнить о регламенте, высказываться в свою очередь и с уважением относиться к речам других! – добавил он, постучав по столу деревянным

молоточком. Как я понимаю, мальчик являлся кем-то вроде председателя. Любопытно, о чем это они говорят.

Первым поднялся колоритный мужчина с длинной бородой, завитой мелкими колечками. Он был одет в белые одежды, которые лично я назвала бы тогой, но на римлянина он не походил нисколько – скорее что-то из древнего Вавилона, Месопотамии, Сирии...

– Уважаемый председатель, дорогие братья и сестры, – произнес он, и я с удивлением поняла, что манера речи у него отнюдь не архаичная, – у нас действительно часто бывали разногласия (зал опять оживленно зашумел и заволновался), однако сейчас мы должны объединиться, потому что речь идет не только о новой кровопролитной и жестокой войне, само наше существование подвергается угрозе! Сейчас, в век быстрой связи и высоких технологий, люди мигом разберутся, что к чему, и, покончив с вампирами, чего доброго, заинтересуются нами.

– А вы побольше вербуйте себе учеников в школу обычным для вас образом – тогда они и без всяких вампирских войн вами заинтересуются! – ехидно вставил мужчина в черном балахоне, из-под капюшона которого зловеще алели глаза с косым вертикальным зрачком.

– У меня прогрессивная школа, обращенная к самому сердцу древней магии! – возмутился «вавилонянин». – Между прочим, мои приверженцы, в отличие от некоторых, не подвешивают вверх ногами кошек и не взывают к великому

козлорогому!

– Ну-ну! Попрошу без перехода на личности! – обиделся некто, и вправду обладающий знатными козлиными рогами.

– Тишина!!! – председатель остервенело, словно заколачивал гвозди, застучал по столу молоточком. – Соблюдайте спокойствие и обходитесь без взаимных оскорблений!

Но препирательства по поводу присутствия или отсутствия рогов, хвостов, ярких последователей, устаревших неэффективных обрядов и прочего продолжались еще минут пять, после чего председателю все-таки удалось установить порядок. Видно, что это стоило ему большого труда.

Я посмотрела на Королеву. Она улыбалась и как нельзя больше походила на сытую довольную кошку, в ясный день лениво греющуюся на солнышке, – того и гляди сейчас замурлычет!

– Положение серьезно изменилось с тех пор, как диким удалось инициировать девочку, – выступал тем временем серьезный старик в островерхой шляпе со звездами. – Это нарушает хрупкий баланс и ставит нас перед необходимостью принять непопулярное решение, – он многозначительно помолчал, а затем закончил несколько неопределенно: – я считаю, нужно вернуть исходное равновесие.

– То есть вы говорите об устранении девочки? – уточнил кто-то из зала.

– Я говорю о необходимости исключить возможность войны.

Горячая волна ярости ударила мне в лицо, опалив огнем щеки: этот гад говорил о том, чтобы уничтожить меня! Меня!

Холодная рука успокоительно легла мне на плечо. Королева покачала головой и снова поднесла палец к губам, призывая послушать, что будет дальше.

Некоторое время маги оживленно обсуждали возможность моего устранения. К счастью, не все присутствующие оказались сторонниками этой дикой идеи. Похоже, что представители разных магических традиций были просто не способны договориться ни по одному вопросу. Поэтому, едва кто-то из них что-либо предлагал, его идейные противники тут же оспаривали поступившую идею и разворачивали свои контраргументы.

– О чем мы спорим?! – прорычал один из шипасто-капюшонистых типов. – Война – это прекрасно! Вампирские Дома совершенно зазнались! Пора проучить их! Пусть они перегрызут горло друг другу, а мы добьем оставшихся!

– Все верно, – поддержал его непримечательный мужчина в черном костюме и черных, а-ля агент Смит, очках. – Пусть люди узнают о вампирах, а мы, вмешавшись в нужный момент, будем выглядеть спасителями человечества, и кое-кому придется потесниться на политической арене!

– Нельзя допустить этого! – горячился маг в острокопечной шляпе. – Вспомните прежние вампирские войны и то, сколько бед и крови случилось из-за них! Возьмем хо-

тя бы Варфоломеевскую ночь или Французскую революцию! Но тогда хотя бы удавалось спрятать их истинные причины! Сейчас ситуация острее, стоит только допустить войну в Москве, и она, как пожар, перекинется на другие крупнейшие города и страны.

– Дорогие коллеги, – с места поднялась невысокая девушка с прекрасными пепельными волосами, одетая в черное, с большим вырезом на спине, платье.

В отличие от многих других дам, обвешанных эффектными украшениями и многочисленными амулетами, я заметила на ней лишь скромный серебряный кулон.

– Я не вижу повода для раздора, – говорила она мягко, но вместе с тем звучно. Я отметила, что руки у нее при этом сцеплены, наверное, это был признак волнения, хотя никак иначе оно не проявлялось – ни в голосе, ни в выражении лица. – Текущая ситуация порочна, а наша организация давно превратилась в какое-то тайное общество. Мы ничего не делаем и только наслаждаемся своим мнимым могуществом и соперничаем друг с другом... Погодите! Я еще не закончила! – отсекала она поднявшийся шум. – Давайте обратимся к разуму. Прежде всего нужно понять, с кем мы имеем дело. Понаблюдать за девочкой, разобраться, кто она и чего действительно хочет. Да и война не всегда худший выход. Она позволяет открыть скрытые резервы и даст мощный импульс для дальнейшего развития.

Публика загалдела, и со всех сторон так и посыпались воз-

гласы.

- Война неизбежна!
- Мы должны встряхнуть этот мир!
- Не допустить!
- Уничтожить диких прежде, чем они начнут действовать!
- Не дать разгореться пожару анархии!
- К дьяволу этот прогнивший старый мир!
- Московский Дом зарвался и творит произвол!

Девушка развела руками, словно снимая с себя всякую ответственность за дальнейшее, и опустилась на свое место, но мне почудилось, будто на ее губах мелькнула довольная улыбка.

Председатель опять заколотил молотком.

Однако весело у них. Я уже начала радоваться тому, что жизненная дорога не привела меня к магам. А ведь были же задатки. Большинство моих предков, судя по моим снам, как раз склонялись к магической деятельности. Зато теперь я, к счастью, сижу на карнизе и любуюсь развернувшимся у меня под ногами реалити-шоу вместо того, чтобы участвовать в нем самой. Наверняка далеко не каждому удастся послушать, как «великие умы» пытаются решить его судьбу. Я уже начинала находить в этом вкус. Такой остро-перченый, пикантный, и когда кто-то предложил заманить меня в тонкий мир и развоплотить с помощью специального боевого заклинания, я едва удержалась от того, чтобы захлопать.

Наконец, все остро желающие высказаться, сделали это,

и председателю снова удалось восстановить более-менее рабочую атмосферу.

– Давайте слушаем одну из наших сестер, вступавшую в непосредственный контакт с девочкой, – предложил председатель, и с места поднялась... знакомая мне старуха-гадалка.

Она была так же стара, седа и сгорблена, как и в реальности. Насколько я могла заметить, ее облик никак не изменился. И это даже расположило меня в пользу моей прапрабабки: нельзя признать, она выглядела даже благородно на фоне заигравшихся в супермагов сотоварищей по цеху.

– Полина – неглупая девочка, хотя очень эмоциональная и, как многие люди, не умеет просчитывать, к чему приведет каждый следующий ее шаг, – заявила старуха, и я даже обиделась.

Дальше она коротко рассказала о моем пребывании у них в Доме. Со слов старухи мой образ получался не слишком светлым и привлекательным – эдакая взбалмошная девчонка, зачастую не знающая, как совладать с собственной силой или собственной темной стороной.

«Ну ничего, – думала я, сидя на карнизе, – докаркаешься. Я тебе это еще припомню». Еще меня очень занимал вопрос, взял ли ее хозяин Хугин обратно или так и списал на пенсию по маразму и старости? Последнее было бы весьма верным ходом.

Я даже обдумывала возможность ответить старухе, но среди магов, разумеется, нашлись те, кто сделал это лучше ме-

ня.

– Почему ты допустила, чтобы девчонка ушла от вас и была инициирована вампирами? – спрашивали старуху.

– Вы знаете условие: согласие должно быть абсолютно добровольным, а она отказалась... – объясняла та, нервно дергая бахромку на своей замызганной шали.

– Да им же выгодно, чтобы началась война! – перебила ее эффектная ведьмочка, скорее раздетая, чем одетая, судя по количеству ткани на ней, вся звенящая тонкими браслетами и многоярусными ожерельями. – Хугин черпает силы со всякой безадресной веры! Недаром уже какой век сидит в Москве, а домой, в Скандинавию, и любопытного носа не кажет! Говорят, его там очень, очень ждут! Сидел бы на плече одноглазого да каркал!

– Один¹ умер! – горячо возразила старуха.

– Один еще живет. Это Хугин потребляет все то, что орут во славу его бывшего господина на рок-концертах и сомнительных тусовках, – включился в диалог один из мужчин в костюмах.

– Как великий бог Один уже давно умер, и, прежде чем требовать от нас чего-то, попробуйте для начала сделать что-нибудь полезное сами!

Старуха защищала Хугина. Значит, они помирились. Что и требовалось доказать.

Однако тут становилось скучновато.

¹ Один – верховный бог скандинавского пантеона.

Я взглянула на Королеву, она кивнула, и мы, спрыгнув с окна, снова понеслись по воздуху.

А вслед нам летел шум и переругивания, становящиеся по мере удаления от эпицентра событий все тише и тише.

– Ну а теперь расскажи, что здесь происходит, – попросила я, когда мы с Королевой опустились на покрытую брусчаткой мостовую черно-белого города.

Она пожала плечами и тряхнула головой, откидывая с белоснежного лба змеистую прядь волос.

– Переполох в курятнике. Если хочешь, чтобы какое-нибудь решение не было принято никогда, вынеси его на совет магов.

Я думала примерно так же, поэтому с готовностью кивнула.

– И они еще называют нас дикими! – усмехнулась Королева. – Хотя это только к счастью, что маги не могут поладить между собой. Объединившись, они бы представляли грозную силу. Но вряд ли это произойдет скоро, и несколько сотен лет на то, чтобы развернуться, у нас в любом случае есть.

Медовый голос был полон презрения.

– А что они говорили про Хугина?

Нужно прояснять и расширять свою карту мира, пока есть такая возможность.

– Хугин – достаточно любопытный персонаж. Сталкивалась с ним пару-тройку раз... – Королева потянулась, еще

сильнее напомнив мне сытую рыжую кошку. – Он из мелких божков, которых чаще называют демонами. Впрочем, почти все крупные боги уже измельчали. Вот раньше... О, раньше все было совершенно по-другому. Молодой мир полон свежей сил и веры, которую можно черпать полными чашами. Тогда и появлялись великие боги. Одного из таких звали Одином. Ему поклонялись древние скандинавы. При Одине в свое время был и Хугин. Он в обличье ворона сидел на плече великого одноглазого старца и исполнял всяческие его поручения... Затем вера ослабла. Один растерял былое величие. Вот тогда Хугин и сбежал от него, чтобы самому стать богом. Он ест по крохе, зато упрямо движется к цели. Вороны, крысы и шакалы – все те, кто питаются падалью, – удивительные приспособленцы, они умеют выживать при любых условиях.

– Кстати, любопытно, а почему, если Хугин был при Одине вороном, я чаще всего видела его в виде большой собаки? Королева опять равнодушно пожала плечами.

– Облик – это так... условно, – она щелкнула длинными тонкими пальцами... даже руки у нее были очень хищными... – ко всему, после известных событий, с обликом ворона у Хугина наверняка связаны не лучшие воспоминания. Попробуй послужить грозному старцу, поносишь по миру и надмирию с его поручениями – и вправду завоюешь.

Она шутила! Оказывается, с дикими и вправду не все так плохо.

– Ну все, возвращаемся, – велела Королева, и мы снова очутились в знакомой комнате, служившей ей приемным помещением.

– А что такое мир снов? – спросила я.

– О, это удивительное место. И не пытайся отправиться туда без меня, это слишком опасно. Впрочем, у тебя еще не получится, – ответила Королева и кивнула, давая понять, что мое время истекло и аудиенция закончена.

Глава 3

Попав в новый для себя мир, я с интересом присматривалась к нему, невольно сравнивая диких с сородичами Артура. Как понимаю, с иерархией у диких было проще. Во главе стояла Королева. Она была вожаком, предводителем стаи. Дальше никакой системы, по крайней мере на первый взгляд, не имелось. Единственное право стаи диких – сила. Иначе говоря, кто сильнее, тот и прав. Иногда вампиры образовывали стихийные группы под руководством какого-нибудь матерого лидера и могли заниматься чем им вздумается, если это не противоречило прямым приказаниям Королевы. Вот только Ловчий находился на особом положении. Он предпочитал одиночество и редко появлялся среди своих. Как я заметила, его побаивались даже самые могучие и сильные особи.

Ко мне вампиры тоже относились особенным образом. Меня обходили стороной и не трогали. И это оказалось существенным плюсом, потому что я видела, как в стае принято обращаться с новичками. Число диких постоянно росло. Похоже, в город прибывали вампиры из других областей, к тому же появлялись новенькие, только недавно инициированные – все как на подбор рослые и крепкие. Так вот, новичков было принято «учить». Я наблюдала как-то за процессом обучения, от которого мои волосы едва не встали ды-

бом.

Несколько сильных и, судя по всему, уже немолодых вампиров гоняли новичка по гулким коридорам заброшенного завода, в котором располагалось наше временное убежище.

Новенький был парнем лет двадцати. Высокий, плечистый, с бритой головой, он вдруг оказался в непривычной для себя роли, и у него поехала крыша. Он улепетывал, как заяц, еще более разжигая азарт погони в своих преследователях. Те наверняка могли настигнуть его в любой момент, но играли, иногда догоняя лишь затем, чтобы оставить на его спине след когтистой лапы, а потом снова давали своей несчастной жертве призрачную надежду на спасение.

Когда эта дикая погоня пронеслась мимо меня в третий раз, я не выдержала и решила вмешаться. А именно представила, что перед одним из «загонщиков» появилась ледяная стена. Он уже собирался нанести своей жертве очередной удар, но тут, не ожидая неприятностей, налетел на мой блок и неуклюже свалился на пол. Хорошо хоть я успела вовремя отскочить.

Верзила поднялся и принялся недоуменно оглядываться. Кажется, он так и не врубился, что же произошло. Погоня понеслась дальше, а он направился ко мне, не найдя в коридоре другой цели.

Странно, мне вовсе не было страшно. Кончики пальцев покалывало. Я не знала, удастся ли мне взять верх в случае, если поединка между нами не избежать, но это было скорее

любопытно. Вероятно, все дело в том, что, умерев, перестал цепляться за жизнь, да и бояться мне надоело еще давным-давно. Быть может, каждому человеку отпущен определенный лимит страха, и свой я уже исчерпала.

Однако стычки не вышло. Неудачливый охотник вдруг остановился, глядя куда-то мне за спину, а потом пробормотал весьма изощренное пятиступенчатое ругательство, махнул когтистой лапой и бегом кинулся в ту сторону, откуда еще доносились звуки погони.

Я оглянулась.

За моей спиной стоял Ловчий. Он всегда появлялся совершенно бесшумно и точно вовремя.

– Не стоит вмешиваться, – проронил он, насмешливо глядя на меня. – А для того, чтобы опробовать свои силы, лучше поищи другой объект. Разгоряченный погоней семидесятилетний амбал тебе еще не по зубам.

– Мне нужно сказать тебе «спасибо»? – поинтересовалась я. – Ты всегда будешь заботиться обо мне?

– Нет. – Ловчий равнодушно пожал плечами. – Только до тех пор, пока ты нужна моей Королеве.

Откровенно, не правда ли?! И весьма лестно.

Меня бесило выражение спокойного самодовольства на лице Ловчего. Он, уверенный и крутой, свысока смотрит на прыгающую перед ним пигалицу. Ну что же, раз так вышло, почему бы не опробовать свои способности на нем? Роль гоняемого по коридорам новобранца не для меня, мне нуж-

но во что бы то ни стало вызвать к себе уважение. А поэтому я сосредоточилась, сжимаясь, словно пружина, и ударила... вернее, я должна была ударить Ловчего в грудь, но он каким-то невероятным, почти дьявольским, образом смог уклониться, прокатившись по полу. И в следующую секунду я оказалась накрепко прижата к его груди.

Волчьи глаза, нагло усмехаясь, смотрели прямо в мои.

– А я тебе тем более не по зубам, – произнес он.

Я отчаянно собирала все силы, чтобы вложить их в попытку вырваться... В совершенно безрезультатную попытку. Он оказался сильнее, и даже мои особые способности, на которые я возлагала столь великие надежды, не помогли!

– Как ты это делаешь? – спросила я, перестав трепыхаться в его сильных руках.

– Всякую защиту или нападение можно преодолеть. Считай, что это нечто наподобие поединка воли. Ты вкладываешь свои умения, я свои – и ты проигрываешь!

– Ты меня научишь сражаться?

Ловчий в деланом изумлении приподнял бровь.

– А я думал, ты справляешься со всем сама. Сама учишься питаться, сама лезешь в драку, не научившись еще ничему. Кажется, догадался: ты – Совершенно Особенная Девочка. Тебе не надо ничему учиться, ты и так сильнее всех.

Я вспомнила слова старухи на совете магов. Хорошо, что я теперь уже не краснею... или краснею?... Вместо зеркала передо мной были сумасшедшие волчьи глаза, очень опасные

и вместе с тем удивительно притягательные. Может случиться, как раз из-за этой опасности.

– Я бы хотела учиться у тебя, потому что ты – лучший, – я сделала попытку улыбнуться, но, опять же, не уверена, что она была удачной.

– Ты храбрая девочка, из тебя, должно быть, выйдет толк, – он разжал руки и провел пальцем по моей щеке.

От этого полуласкового жеста я вздрогнула словно от удара.

Он снова криво усмехнулся и выпустил меня.

– Будь осторожна, Красная Шапочка. В этом лесу полным-полно диких и злых волков. Ты нужна Королеве, и стая знает об этом, поэтому не трогает тебя... без лишней нужды. Так не давай им повода. Если волка хорошенько разочлеть, он обязательно нападет, и только потом, когда уже будет поздно, подумает, что, возможно, не стоило этого делать. Поняла?

Я кивнула.

Ловчий отвернулся и пошел прочь.

– Возьми меня на охоту!

Он резко, словно налетев на невидимую преграду, остановился.

– Что? – произнес он, не оборачиваясь.

– Возьми меня на охоту. Я хочу научиться охотиться. Ты же сделал меня такой, какой я стала, а значит, несешь за меня ответственность!

– Ответственность?! – Ловчий одним прыжком оказался подле меня. Кажется, поворачивался он уже в воздухе. – О какой ответственности ты говоришь? Каждый за себя, и выживает только самый сильный... и, я бы сказал еще, что самый умный. Таков закон стаи.

– Ты не такой, как они!

Ловчий расхохотался. Должно быть, сегодня я говорю исключительно веселые вещи.

– Только не пытайся повлиять на меня или привязаться ко мне. Ни то ни другое не пойдет тебе на пользу. Да, совсем забыл. Есть еще один главный закон стаи, весьма способствующий выживанию: служи Королеве!

И он ушел, а я почувствовала себя какой-то... оплеванной, что ли...

Интересно, что бы случилось, если бы не вмешался Артур и меня бы сделали вампиром в Московском Доме? Как бы ко мне относились там?... Хотя у диких все решает сила. Нет, здесь у меня больше шансов покончить с положением пешки и заставить мир крутиться сообразно моей воле.

Я снова подняла голову и тут заметила Виолу.

– Надо же, какая честь видеть тебя! – произнесла она, плавно приближаясь ко мне по коридору.

Мы с ней всегда ненавидели друг друга. С самого первого класса. С тех пор как она пыталась приблизить меня к себе, покровительствуя мне и надеясь, что я стану ее преданной собачкой, войдя в ее личный фан-клуб. Разумеется, этим на-

деждам не суждено было сбыться. И тогда она стала подстривать мне всяческие гадости. Тогда она была Виолой Карпушкиной – дочерью известного банкира, самой обеспеченной и популярной девочкой в классе. На фоне нее я казалась нищенкой, бледной молью рядом с яркой экзотической бабочкой. К тому же обстоятельства складывались так, что наши интересы постоянно сталкивались – то в журналистском кружке, то на учебе. Десять лет в состоянии холодной войны, то и дело переходящей в откровенные стычки, – это вам не шутка! Не удивительно, что появившийся в нашем классе новенький сразу же попал в пересечение наших интересов. Правда, вели мы себя по-разному. Виола предпринимала активные шаги, чтобы завоевать его симпатию, а я – тушевалась и отводила глаза... А потом наши жизни переменились. И моя, и Виолы. Я вижу злую иронию судьбы в том, что мы с ней снова оказались в одном лагере и судьба вновь поставила нас лицом к лицу, столкнув сейчас вот в этом коридоре.

– Послушай, – устало сказала я, – не вижу смысла продолжать бесполезные распри. Мы теперь как бы на одной стороне...

– Ах, так?! – лицо Виолы исказилось от ярости. – Ну конечно, не имеет смысла! Ты же у нас везунчик! Избранная!

Я улыбнулась. Виоле нелегко свыкнуться с мыслью, что она уже отнюдь не самая крутая, положение переменилось, и бывший аутсайдер вдруг вышел в лидеры... Ну почти в лидеры. Я-то знала, что пока что мое положение весьма незавид-

но. Все вокруг стремились использовать меня, словно подвешенную на ниточках марионетку, и, чтобы отвоевать свое место под луной, мне еще предстояло продемонстрировать и когти, и клыки. Как фигурально, так и в самом что ни есть буквальном смысле.

– Однако у тебя очень короткая память, – продолжила Виола. – И вправду, зачем тебе лишние привязанности. Зачем помнить о том, кто ради тебя пошел против своих? Ты использовала его – и ладно, какие пустяки!

Эти слова причинили мне боль. Я и не знала, что еще могу ее чувствовать. Виола намекала на Артура. Мне нельзя думать об Артуре. Все это – в прошлом, я запретила себе думать о нем. Это бесполезно, потому что...

– Артур умер, – я отвернулась от нее, чтобы Виола не прочитала мои эмоции по лицу. Только покажи свою слабину, и тут же найдутся желающие воспользоваться ею!

– Умер? Ты уверена?! – ее голос звучал издевательски.

– Да.

Я не хотела, не хотела говорить об этом!

– А вот у меня другие сведения!

Я резко повернулась к ней – так, что она испуганно отпрянула. Ага, наконец-то мы с ней на равных... нет, учитывая мои способности, ради которых все окрестные вампиры и устроили на меня большую охоту, я была сильнее Виолы!

– Ты лжешь! – крикнула я ей в лицо.

– Может, и лгу, – она осторожно отступала от меня, ви-

димо, так же, как и я, оценив нынешнюю расстановку сил. – Однако ты этого пока не узнаешь! Но зато знай, что я ненавижу тебя больше всех на свете и сделаю все, что угодно, чтобы уничтожить тебя! Ты всегда была сучкой! Ненавижу! – крикнула Виола, уже убегая прочь по коридору.

Я снова осталась одна. В груди кололо и болело глупое сердце, вдруг забывшее, что оно уже не может ни болеть, ни биться. Что же это? Отчего странная боль пронзает меня каждый раз, когда я думаю об Артуре?... Он мертв, он не мог выжить. Ловчий наверняка убил его. Разве могло быть иначе?...

Или...

Голова раскалывалась, словно в ней пульсировал огонь. Я в изнеможении опустилась на корточки, прислонившись спиной к стене, и приложила руку к неровной кирпичной кладке.

Артур! Ты жив? Ты меня слышишь?

Артур, ход № 2

Он вздрогнул и оглянулся. Никого. Пустая темная заснеженная улица. Однако голос Полины прозвучал так отчетливо, будто она стояла всего лишь в двух шагах.

Артур протянул руку – пустота. Теперь его всегда окружала пустота. Только он и снег. Двое во всем огромном городе. Снег белый, он сам – черный. Классическое сочетание. И

вот они идут вместе, словно братья, а снег искрится в свете фонарей и ярких московских витрин, словно россыпь драгоценных бриллиантов.

Артур поднял воротник короткого черного пальто, приобретенного полчасу назад взамен безнадежно испорченной куртки. Ему не было холодно, просто захотелось отгородиться от всего мира, остаться наедине с собой, чтобы вновь ощутить в груди знакомую боль. Связь не оборвалась. Он остановился, прислонившись к фонарному столбу, и закрыл глаза.

«Полина, где ты?» – позвал он... За сомкнутыми веками закружился хоровод снежинок, а когда снег рассеялся, Артур увидел обшарпанные стены. Кое-где штукатурка совершенно осыпалась, и, словно кровоточащие раны, проступали кирпичные ребра здания. Натужно мигала криво висящая на потолке лампочка. Линолеум под ногами был сорван – до самого серого бетонного пола. Артур не видел Полину, но знал, что она где-то там... Что это за место? Где Полина? Он попытался различить ее тонкий силуэт, но напрасно – перед глазами снова лишь снежная круговерть...

– Молодой человек, вам плохо?

Артур неохотно разлепил тяжелые ресницы. Подле него стояла пожилая женщина с добрым усталым лицом, обрамленным выбившимися из-под меховой шапки обесцвеченными неровными локонами.

– Нет, спасибо, – прошептал он, кивнув женщине.

Та смутилась, переступила с ноги на ногу и, пробормотав

«простите», пошла по улице. Она оглянулась еще несколько раз перед тем, как совсем исчезнуть в круговерти снега.

Артур тряхнул головой так, что с волос искрящимся фонтаном осыпались снежинки... надо же, сколько успело нападать, и тоже медленно пошел по улице.

Полина жива. Это было главное. Скорее всего, она в одном из убежищ диких где-то на окраине города. Артуру вспомнился только что увиденный коридор. Какое-то заброшенное здание. Не жилой дом – это точно. Значит, либо старый НИИ, либо завод. Вариантов было слишком много. Митино, Солнцево, Марьино, любая из крупнейших промзон на окраине... Где искать?...

Он шел по пустевшим московским улицам. Прохожих было все меньше и меньше. Вот навстречу попалась группка симпатичных девочек, несмотря на холод, одетых в короткие юбки и тоненькие колготки, видимо, шедших с дискотеки. Девочки зашушукались и проводили Артура откровенно заинтересованными взглядами, однако он даже не заметил этого. Он, словно заведенный, шел вперед и вперед и вдруг остановился – неподалеку виднелась знакомая, уже занесенная снегом ограда. Артур знал, что, если пройти чуть влево, там будет стоянка для машин и центральные ворота с горделиво блестящей табличкой «Частная школа „Идеал“». Ноги сами принесли его туда, где он впервые увидел Полину.

И тут навстречу ему шагнула девушка. Ее темные волосы были густо усыпаны снегом, и у Артура кольнуло сердце, по-

тому что на один сумасшедший, невероятный миг он вдруг безоговорочно поверил в то, что это Полина, что она тоже ищет и ждет его... Он торопливо бросился к ней навстречу, но остановился. Разочарование захлестнуло его, оставляя во рту солоновато-горький привкус. Это была не Полина. Это была всего лишь Виола.

– Привет, – усмехнулась она. – И тебя одолел приступ ностальгии?

Артуру подумалось, что в мире действуют странные законы. Мир развивается по спирали, и одни и те же события повторяются от витка к витку. Возможно, именно на этом месте Владлен, предавший свой Дом и своего Отца-создателя, назвал Ловчему вместо имени Полины имя Виолы... И вот теперь он и Виола стоят друг напротив друга. И это явно не случайность.

– Меня не одолевал приступ ностальгии, – ответил Артур, подходя к Виоле. – Ты искала меня?

– Скорее надеялась тебя встретить, – она искоса разглядывала его. – А ты не потерял свой лоск. Такой же красавчик, как в тот день, когда я увидела тебя впервые. Ты тогда произвел в нашем классе настоящий фурор! А я была абсолютной дурой и почти влюбилась в тебя, особенно после того, как ты спас мне жизнь!

– Ты пришла сюда, чтобы повспоминать прошлое?

– Вижу, что с романтикой у тебя напряг...

В сквере перед школой стояли скамейки, и Виола взобра-

лась на одну из них и уселась на спинку.

– Хотя понимаю, – продолжила она, закинув ногу на ногу, – тебе сейчас не до романтики. Насколько я знаю, твой Дом от тебя отказался. Не так ли?

Артур развел руками и громко вздохнул:

– Может, перейдем сразу к делу? Просто скажи, что тебе нужно.

– Неужели ты так жесток, что не хочешь пообщаться с бывшей одноклассницей? Помнишь, мы сидели за одной партой?... погоди, дай смахну слезу умиления... – Виола строила издевательскую гримасу и сделала вид, будто стирает со щек несуществующие слезы.

– Прости, что прерываю твоё показательное выступление, но перейдем все-таки к делу.

Кривляния Виолы вызывали у Артура раздражение. Сделавшись вампиром, она стала совершенно невыносима. Неужели у всех диких и вправду сносит крышу?...

– Зря ты так жесток! А ведь я пришла, чтобы опять помочь тебе.

– Почему?

– Считай, что я твоя добрая фея-крестная! – хихикнула Виола.

– Но я не Золушка, – возразил Артур. – Зачем ты пришла?

– Чтобы рассказать тебе, где искать Полину, – Виола сделала вид, что не понимает вопрос. – Ты хочешь это знать?

– Хочу, – Артур смотрел на нее в упор. – Но еще мне надо

удостовериться, что это не ловушка.

– Ловушка? Ха! Если бы я хотела уничтожить тебя, я бы смогла сделать это абсолютно без труда еще там, на даче, когда ты умирал. Ну что бы мне стоило отрезать тебе голову, сломать шею или вырвать из груди сердце? Элементарно – и никаких хитроумных планов. Но, конечно, я тебя понимаю. Осторожность – прежде всего. Давай договоримся так. Я назову тебе место, а ты можешь не ходить туда. У тебя будет полная свобода выбора.

Артур опустил голову, разглядывая снежный ковер под ногами.

– Ты знаешь, что на самом деле выбора у меня нет. И я пойду туда, даже если это хитроумная ловушка, – проговорил, наконец, он, и Виола расхохоталась.

Ловчий, ход № 2

Вот квадрат окна,
За окном – стена.
За стеной – рассвет,
Где нас больше нет...

Он пробовал слова на вкус. Они горчили, а еще немного пахли порохом. Порохом и хвоей. В последние ночи он ясно чувствовал, что с ним происходит нечто странное. Картина

мира стала непривычной, а на доске появилась новая фигура, обозначить которую проще всего было иксом. Девчонка. Объект его недавней охоты. Каким-то образом она оказалась связана с его собственным прошлым и являлась ключом к давно забытым дверям, открывать которые у него не было никакого желания. Он не хотел ничего вспоминать. Ему это абсолютно не нужно. Только преданность своей Королеве и охота – это все, что важно для него, это все, что составляет привычный для него мир. Он не привык думать над заданиями. Он привык думать над тем, *как* выполнить их наилучшим образом, но сегодня вдруг подумал о грядущей войне. Он любил охотиться в одиночку, черпая радость в выслеживании жертвы, в том, как, медленно сужая круги, с каждым разом все глубже загоняет ее в угол. Война – это другое. Там, где война, – нет места охоте. Однажды он уже видел войну...

Нет, не думать о войне! Ловчий стукнул кулаком по стене, и с нее посыпалась штукатурка. Он взволнованно зашагал по гулкой комнате, уставленной железными скелетами каких-то старых производственных агрегатов. Лучше подумать о девчонке. Почему она так быстро меняется и что из нее получится, когда трансформация завершится?... Пожалуй, он не хотел бы проверять это на собственной шкуре.

«Это все от безделья, – пробормотал Ловчий. – Мне необходимо чем-нибудь заняться!» Он уже просил у Королевы позволения начать охоту на старейшину Московского Дома, но она отказала ему. «Ты нужен мне. Я не могу рисковать то-

бой», – сказала она. И добавила: «Жди». Он ждал. Насколько хватало терпения, ждал, но силы сдерживаться были уже на пределе.

За одним из станков что-то блеснуло. Ловчий метнулся туда и вытащил маленькое квадратное зеркальце без рамы. Должно быть, за этим станком когда-то работала женщина...

Он повернул к себе зеркало и увидел отражение стены, находящейся у него за спиной. Старая, покрытая трещинами стена... Желтый облупившийся потолок... и – больше ничего! Он, Ловчий, перестал существовать! Его больше не было!

В ярости швырнув зеркало на пол, он принялся ожесточенно топтать его ногами. Стекло жалобно хрустело под его ботинками, но Ловчий колотил по нему до тех пор, пока оно не разбилось на тысячу сверкающих осколков.

– «За стеной – рассвет, где нас больше нет», – повторил Ловчий и вышел из комнаты.

Глава 4

Слова Виолы не давали покоя. Мне нужно было знать, просто знать, что случилось с Артуром. Только это предоставит возможность идти дальше. Именно неопределенность казалась хуже всего.

Можно было спросить об Артуре Ловчего, но это значило – показать ему свою заинтересованность, предстать перед ним уязвимой. Нужно было поискать другие возможности...

Я мерила шагами отведенную мне комнату. Кажется, раньше здесь размещалось складское помещение. Совсем крохотная комнатенка. На полу – отпечатки ножек стеллажей, в углу – свернутая в трубочку старая политическая карта мира. Чем не кабинет главнокомандующего?...

Я села на пол, облокотившись спиной о сырую стену, и задумалась. Стоило мне прикрыть глаза, как решение возникло само. Если нам с Королевой удалось прийти на закрытый совет магов, почему бы не попробовать поискать в мире снов следы Артура.

Зажмурив глаза, я шагнула во тьму.

Тьма была вокруг меня. Голодная, клубящаяся тьма, тянущаяся ко мне множеством жадных щупальцев-язычков. Она лизала мои ноги и, вцепившись в них, тянула вниз, в бездну. Каждый шаг давался с огромным трудом. Мрак был вязким,

словно болото, неотступным, как судьба... Я плотно сжала зубы. Надо пройти. Почему я раньше не замечала этой границы? Выходит, просто провалиться в сон легче, чем пройти туда напрямиком из реальности.

Но куда же я иду? Надо выбраться из этой трясины, найти хотя бы один островок стабильности...

Ощущение безнадежности заливало меня с головы до ног. Я вся буквально пропиталась им.

«Ты слаба! У тебя ничего не выйдет, маленькая девочка! Неужели у тебя хватит храбрости заглянуть мне в глаза?» – шептала ехидно тьма, все плотнее обвивая меня своими щупальцами.

«Врешь! Я не сдамся! Врешь!» – словно заклятие, повторяла я.

Я знала: главное – не останавливаться. Не давать себе даже секундной передышки, иначе – пропадешь! Непонятно, откуда взялось в моей голове такое знание. Возможно, оно пришло благодаря древней крови, текущей в моих венах, возможно, просто сработал самый древний на земле инстинкт – инстинкт самосохранения.

В любом случае, я шла вперед.

Тьма смачно чавкала, с неохотой выпуская меня из своих объятий, но я шла и шла – упорно, из последних сил, – пока не очутилась перед какой-то дверью. Что за ней – непонятно. Но пройти весь путь назад, снова пережив то же самое, у меня, наверное, просто не получилось бы.

Я открыла дверь и... очутилась в небольшом уютном помещении.

Обставлено оно было в средневековом стиле – каменный пол, облицованные крупными серыми камнями стены, мощные дубовые столы, у которых стояли массивные скамьи, и, конечно же, большой красивый камин – совершенно настоящий, с дровами. Освещался зал несколькими тусклыми лампами, свисавшими с потолка на толстых железных цепях. Здесь было, пожалуй, уютно.

Разумеется, я узнала это место с самого первого взгляда. «Элис» – кафе вампиров, куда Артур приводил меня, едва мы с ним познакомились. Сегодня, кроме меня, здесь не было посетителей. За стойкой стоял владелец кафе – Януш. Или некто, похожий на него самым удивительным образом.

Увидев меня, Януш несколько не удивился и кивнул так, словно мы расстались всего лишь вчера. И не было ни моего бегства из Дома, ни долгих скитаний, ни дней, проведенных у старухи, ни смертельного дара Ловчего – ничего. И я вдруг тоже почувствовала спокойствие и умиротворение.

Подойдя к барной стойке, я села на высокий стул.

Януш, ничего не спрашивая, достал из холодильника две бутылки и смешал в высоком запотевшем бокале странный коктейль.

– Фирменный. Помнишь, ты хотела попробовать, – сказал он, протягивая напиток.

Я взяла и осторожно пригубила:

– Спасибо, вкусно.

Бармен кивнул.

– Я знал, что тебе понравится, ведь это кровь.

Я залпом допила коктейль и поставила стакан на стойку, и Януш, опять же не спрашивая, снова наполнил его из своих бутылей.

– Ты знаешь, что со мной произошло? – спросила я владельца бара.

– Конечно, ты стала вампиром, – ответил он. Это слово далось ему без малейших усилий, хотя я знала, что в Доме его всячески избегают.

– Ты мне снишься, так? И все это, – я обвела глазами уютное пустое помещение, – тоже всего лишь мой сон?

– Не совсем так. Скорее это некое подпространство, тонкий мир, существующий по своим законам и вне зависимости от того, верят в него или нет. Ты отчаянная девочка, раз смогла прийти сюда одна. Хотя я вовсе не удивлен. Я ждал тебя, так как ожидал от тебя чего-то такого.

– Та тьма вокруг была хищной. Пока я шла сюда, она хотела затянуть меня в себя...

Януш снова кивнул и, взяв полотенце, принялся тщательно протирать стоящие на полке бокалы.

– Чтобы пройти через нее, требуется немало умений и мужества. Думаю, тебе удалось это благодаря твоей крови, присущему тебе упрямству, а также невероятной удаче. На месте твоей Королевы я бы не отпускал тебя сюда одну. Она

может потерять весьма ценное оружие...

В горле было сухо, и я одним глотком опустошила половину бокала.

– Ты пришла сюда, чтобы задать какой-то вопрос, – напомнил Януш. – Спрашивай. Время еще есть... Немного...

И точно! Я хотела узнать про Артура. Януш принадлежит к тому же Дому, что и Артур! Кто должен знать о нем, если не он?!

– Артур... он жив?

Слова были тяжелыми, как камни, и с трудом ложились на язык. Мой одинокий голос потонул в ватной тишине.

– Артур умер. Дом почувствовал его утрату. Он больше не с нами. Но это не важно. – Януш положил бокал и, вытащив из-под стойки огромный кремневый пистолет с длинным дулом, неторопливо взвел курок. – Знаешь, хорошо, что ты пришла сюда. Это снимает многие проблемы.

Его голос был совершенно спокоен, как будто он говорил со мной о погоде.

– Ты хочешь меня убить? Но почему?! – Стакан упал на стойку, и темная жижа растеклась по ее лакированной поверхности, закапала на пол: «Кап, кап, кап...»

– Ничего личного, мне нужно остановить войну.

– Я не боюсь. Это все не по-настоящему, – пробормотала я, сползая с табурета.

Януш развел руками, и по лицу его было видно, что ему не хочется, но приходится меня расстраивать.

– Здесь особое пространство, и смерть здесь – настоящая, окончательная смерть.

Мысли заметались в голове стайкой испуганных птиц. Я видела, как стреляет Януш. Броситься к двери? Нырнуть под ближайший стол? Попытаться выставить перед собой воображаемый щит – вдруг он остановит пулю?...

– Я же говорил, что тебе стоило пойти за мной, – произнес глухой голос.

Неподалеку от меня, через табурет, сидел мужчина с горбоносым профилем и черно-седыми – соль с перцем – волосами. Он не смотрел на меня, но я знала, что зрачки его все время меняются.

– Хугин? – Я уже ничему не удивлялась, к тому же его появление могло дать мне шанс. – Ты пришел, чтобы помочь мне.

Он усмехнулся, по-прежнему глядя прямо перед собой, словно меня и не было.

– Нет, я пришел, чтобы попрощаться. Теперь ты, к сожалению, совершенно бесполезна для меня. Меня интересуют только живые, – он по-собачьи оскалился. – А жаль, из всего этого мог бы выйти толк...

Я посмотрела на Януша. Все это время он стоял, наведя на меня дуло пистолета, с присущей ему деликатностью дав нам закончить разговор.

Бам! Бам!

Бой часов подсказал мне, что мое время истекает. Я была словно взведенная пружина, еще толком не зная, что я буду делать, но готовясь драться за свою жизнь.

Говорят, некоторым девушкам докучают поклонники, преследуя их своей любовью. У меня в поклонниках, должно быть, ходила сама смерть. Уж не знаю, чем я ей так приглянулась, но она уже не раз являлась мне в разных обличьях, играя со мной, как сытая кошка с мышью. Наверное, во всем этом был какой-то смысл, просто я его не находила.

Часы еще не закончили бить, когда я, глядя Янушу прямо в глаза, ударила его. Мой удар всегда представлялся мне огненно-ледяным клубком. Он копился на самых кончиках пальцев, а потом, повинуясь моей воле, летел в противника – невидимый, но обычно обладающий сокрушительной силой. Впервые мне удалось такое, когда на меня напала Виола, и вот теперь пришлось применять это снова...

Однако сейчас Януш только выставил вперед ладонь левой руки, и мой шарик словно разбился о невидимую преграду, исчез, будто втянутый огромной жадной воронкой.

Януш выстрелил одновременно с последним ударом часов.

Я очень ясно видела маленький серебряный цилиндрик, летящий мне в грудь...

Но тут время вдруг остановилось. Пуля зависла в воздухе, а массивная дверь за моей спиной громко хлопнула.

Я повернула голову – словно в кино при замедленной

сьемке... От дверей черным смерчем ко мне летела Королева диких. Ее красивое лицо было искажено страшной яростью, а медно-рыжие локоны казались взбесившимися змеями.

– Ты напрасно взял на себя смелость тягаться со мной! – крикнула она замершему Янушу, небрежным жестом сбивая на пол застывшую в воздухе пулю.

Затем, не говоря больше ни слова, схватила меня за руку и потащила прочь из бара.

Она волокла меня за собой словно тряпичную куклу, и тьма расступалась, охотно давая ей дорогу.

Я пришла в себя в той самой комнате, в которой и началось мое путешествие. Королева стояла надо мной, брови ее по-прежнему были нахмурены, а глаза метали молнии, каждая из которых должна была испепелить меня.

– Ты глупая девчонка! – воскликнула Королева. – Ты совершенно не умеешь распоряжаться своей жалкой жизнью и постоянно вляпываешься во всякие истории! Я же предупреждала, чтобы ты не ходила в мир снов без меня! Ты хоть понимаешь, что едва не погибла?

Я прекрасно понимала это. Так же как и то, что вовсе не просила ее спасти меня.

– По-моему, ты теряешь больше, – ответила я, поднимаясь так, чтобы встать вровень с ней. Не буду ни на кого смотреть снизу вверх. Не буду – и все!

Королева застыла, словно увидела перед собой призрак.

– Я теряю только жизнь, а ты – надежду на мировое господство, не так ли? – я криво усмехнулась. Спасибо всем моим многочисленным учителям, теперь это у меня получалось отлично!

– Ну, конечно, ты права, – зеленые глаза сузились. – Ну раз так, придется следить за тобой, чтобы мои надежды оставались в сохранности. Мы посадим тебя на цепь, и ты будешь безотлучно следовать за мной. Ты этого хочешь?

На этот раз она победила. Счет разгромный. Я опустила голову.

– Нет, прости меня. Мне было интересно, – проговорила я, глядя в истертый пол.

– Ты удовлетворила свое любопытство?

Я молча кивнула. Слова иссякли, как пересохший родник. У меня ничего не осталось – ни гордости, ни надежды. Я узнала все, что хотела. Я слышала, что, если отрезать палец, человека еще долго преследует фантомная боль, и он просыпается среди ночи от боли в не существующем уже давно пальце. Так и у меня. Сердце еще болело фантомной, призрачной болью, но я уже улыбалась. Сражение проиграно, но это еще не результат всей войны.

Артур, ход № 3

За забором, отделявшим полуразрушенные здания старо-

го завода от тихой улочки в отдаленном спальном районе Москвы, гулял ледяной ветер. Он разметал по двору мусор, шелестел по отполированному снежному насту, вычерчивая на его блестящей поверхности таинственные круги и загогулины.

Артур наблюдал за всем из своего укрытия. Подходить слишком близко было нельзя: его могли учуять. Чутье у диких значительно превосходит собачье, так что лучше не рисковать, вернее, рисковать, но разумно.

Внутри заброшенных зданий явно шла жизнь, прорывавшаяся то промелькнувшей тенью, то отчетливо вырисовавшимся в дверном проеме массивным силуэтом.

Полины нигде не было видно, но Артур и не верил в то, что ему так повезет. Он здесь только для того, чтобы убедиться, что база диких именно тут. Решение, пришедшее в его голову, являлось одновременно и простым и сложным. Это был риск, игра на грани, но теория невероятности должна быть на его стороне.

Всем поступкам Артура – и прошлым, и будущим, и настоящим – имелось одно лишь оправдание, вместе с тем являющееся оправданием всего его странного, противоестественного существования. Это любовь. Банальное, истасканное слово, запачканное прикосновением тысяч немытых рук, и вместе с тем такое чистое, что кристальный горный родник казался по сравнению с ним мутной лужицей. Любовь – огонь, умирающий только для того, чтобы возродиться, об-

раз, знакомый всем и являющийся откровением для каждого.

Теперь Артур знал совершенно точно, что все, что он раньше читал или думал об этом чувстве, – вздор и пустяки. Любовь нельзя описать. Она как полет птицы, как капля росы, в которой отражается солнце, она – как мелодия, слышимая не ушами, но сердцем, как терпкая сладость спелой вишни и горечь, что есть даже в сладости меда... Она – то единственное, что у него осталось.

Артур подходил к дому, расположенному в одном из Арбатских переулков, не скрываясь, чтобы у охраны было время сообщить о его появлении Отцу.

У ворот его действительно ждали. Его тщательно обыскали, вероятно, удивившись отсутствию оружия, и, не спрашивая ни о чем, проводили внутрь.

Двор так и щетинился невидимыми снайперами. Артур прекрасно понимал, что находится сейчас на мушке сразу нескольких винтовок, но также осознавал, что Отцу, скорее всего, захочется с ним встретиться. Хотя бы для того, чтобы выяснить, что произошло, а еще из-за склонности к показательным парадным жестам. Отец никогда не отдаст приказ уничтожить провинившегося тайно, если есть хотя бы малейшая возможность устроить публичную экзекуцию. В одном из подвалов здания, уходящего глубоко под землю, стоял специальный агрегат с ультрафиолетовым излучением.

Эта комната внушала страх всему Дому, не случайно она называлась залом казней.

Молча, словно в сопровождении теней, Артур проследовал в приемные покои Отца. Отец восседал на обитом темно-пурпурным бархатом кресле с высокой резной спинкой, а на подлокотниках, выполненных в виде сплетенных, словно ползущих вверх, человеческих фигурок, лежали его желто-пергаментные руки. Лицо отца было лицом мумии – с глубоко запавшими щеками и провалами глазниц, в которых угольями горели пронизывающие глаза.

Артура поставили перед ним. Отец махнул рукой, на миг нахмурился, и конвоиры поспешили удалиться, пятась и потешно кланяясь при этом.

Затем в комнате воцарилась тишина.

Оба – и молодой, и старый вампир – не произносили ни слова, словно враги, готовые вступить в смертельную битву.

Артур стоял перед сидящим старейшиной уверенно и свободно – в черном, расстегнутом на груди полупальто, из-под которого виднелся тонкий белоснежный свитер, в узких черных джинсах и элегантных ботинках.

– Я думал, что ты умер, – проговорил наконец старейшина низким хриплым голосом – голосом, в котором не было ни единой живой нотки.

– Я умирал, но это не важно, – ответил Артур, спокойно глядя в глаза Отцу.

– Вижу. Ты изменился, – старейшина чуть наклонился вперед, вглядываясь в лицо неверного сына.

Артур промолчал, и Отец вновь прервал затянувшуюся паузу.

– Ты, изгнанник, пришел сюда, чтобы просить меня о чем-то? – спросил он холодно.

– Нет, – Артур по-прежнему не отводил взгляд. – Я пришел, чтобы предложить тебе кое-что. Я знаю, где находится убежище диких.

Артур прекрасно понимал, что это мощный козырь в его руке. Выследить диких казалось совершенно невозможным. Они были подобны крысам, без труда ориентировались в «нижнем городе» – так называл Артур бесчисленные московские туннели и подвалы, к тому же постоянно меняли место проживания. Все предпринятые Московским Домом попытки произвести зачистку территорий, населенных дикими, оказывались безуспешными. Вернее, результат их был ничтожен и обычно несовместим с потерями, которые Дом нес в ходе операции.

Так что теперь, закинув удочку, Артур терпеливо ждал реакции Отца.

Старейшина потер кровавый камень своего старинного перстня и задумчиво взглянул на неверного сына.

– У тебя, конечно, есть свой способ поисков, – скорее констатировал, чем спросил, он.

Артур кивнул.

– Девчонка? – быстро спросил Отец. – Ты ведь отверг Дом ради нее.

– Полина, – кивнул Артур. – Я уведу ее от них, и войны не будет. Вы не утратите главенства в Москве и разгромите стаю, вторгшуюся на вашу территорию.

Отец опустил глаза и с минуту сидел неподвижно, словно восковая кукла.

– Ты вырос, мой мальчик, однако тебе будет трудно одному. Ты уверен, что не хочешь вернуться Домой?

– Уверен, – отрезал Артур.

– Ну что же, отрок, я полагаю, что ты не предашь меня снова. Твоя мать очень расстроилась, узнав, что ты покинул Дом, – бездонные глаза открылись и заглянули в душу Артура.

Он стоял, словно пораженный молнией.

– Я ослышался? Моя мать давно умерла, – выговорил, наконец, Артур.

– Умерла? – теперь Отец смотрел на него с привычным превосходством. – А мне известно обратное.

«Раз, два, три, четыре...» – Артуру пришлось досчитать до десяти, чтобы окончательно успокоиться. Мысли вертелись в голове, как бешеные, и самая главная из них: «Не может быть! Этого никак не может быть!»

Отца Артура убили в девяностые годы, а они с матерью вдруг оказались на самой обочине жизни. И тогда, чтобы раздобыть хоть немного денег, Артуру пришлось вступить в од-

ну из дворовых шаек. А потом была та драка на пустыре, и солоноватый вкус крови на губах, и плывущий перед глазами мир, словно подернутый дымкой, и незнакомец в блестящих ботинках, и комната с горящими свечами, и Отец, и Дом, и обязательства... Тогда, перед самой инициацией, Отец сказал Артуру, что его мать умерла.

Артур сжал зубы. Старейшина смотрел на него пытливо и вместе с тем равнодушно.

– Моя мать умерла, – упрямо повторил Артур.

– Ты можешь ее увидеть.

– Когда?

Тонкие, обтянутые сухой кожей пальцы взяли старинный бронзовый колокольчик, и тут же в комнате появился личный помощник Отца.

– Все готово, – объявил он, низко кланяясь.

Отец чуть склонил голову, обозначая кивок.

Не помня себя, Артур вышел из комнаты. Неужели он сейчас увидит мать? В груди была пустота, на сердце – недоумение. Он все никак не мог разобраться, что же он чувствует, что он должен чувствовать сейчас, после долгой разлуки, после того, как он умер сам и безоговорочно поверил в смерть матери...

– Пожалуйста сюда, – ровный голос секретаря был вежлив и равнодушен.

Артур вошел в комнату.

Здесь никого не было. Только компьютер. В первую се-

кунду Артуру показалось, что все это – ловушка, и он резко обернулся к сопровождающему.

– Садись, – сказал тот, указывая на неудобное кожаное кресло. В этом помещении, в отличие от покоев Отца, все оказалось обставлено современно. – Здесь подключена веб-камера, и ты сможешь поговорить со своей матерью в онлайн-режиме.

Артур опустил в кресло. Значит, он увидит мать только на экране монитора. Это было значительно легче. Он вдруг понял, как страшно было бы взглянуть в глаза матери после стольких лет и прочитать в них вопрос: «Что с тобой стало? Зачем ты меня бросил?»

Укоряя себя за трусость, Артур взглянул в темный экран, щелкнул мышкой и сразу увидел ее...

Она сидела в точно таком же, как у него, кресле. За спиной была безликая беленая стена. Мать оказалась почти такой же, как он ее помнил. Почти не постарела. Аккуратно собранные волосы, умело подкрашенное лицо... Хотя нет... Что-то непривычное, чужое было в ее облике.

– Здравствуй, сын, – произнесла она, глядя на него чужим равнодушным взглядом. – У меня все хорошо.

И тут он понял, что именно не так: ее глаза! Они оказались совершенно пустыми!

Глава 5

Я сидела на крыше, обхватив коленки руками. Ветер гонял по пустырю мусор, вдалеке, за забором, ходили люди. Они спокойно проходили мимо нас, даже не представляя, что в двух шагах от них находится вход в ад. Я смотрела на них и завидовала им. В их жизнь не вторгались, их любимых не убивали, а их самих не дергали из стороны в сторону в надежде извлечь из этого выгоду. Их жизнь была предсказуемой. Хотя нет, это они думали, будто их жизнь проста и предсказуема. На самом деле ее можно изменить и сломать в любой момент. Ловчий выпьет кровь любого из них так быстро, что они едва осознают, что происходит. Нет, это они – стадо мирных глупых антилоп, законная добыча настоящего хищника. А я – хищник, убийца, охотник. Я могу убивать. А скоро... скоро начнется большая война, которую так ждет Королева, и тогда они, наконец, поймут, что привычный мир не таков, каким он им кажется. И тогда уже их – не моя – жизни разлетятся на куски. Эта мысль доставила мне удовольствие. Ну и пусть Артура больше нет, это и к лучшему. Я не могла представить себе Артура среди диких. Одна мысль об этом вызывала у меня приступ нервного смеха. Только не он! Только не Артур!

«Он был бы для тебя балластом, ты бы никогда не смогла развернуться при нем», – шептал мне внутренний голос.

Я снова в задумчивости уставилась вдаль и вдруг осознала, что тут происходит нечто интересное. Зимой темнеет рано, людей на улице и так было немного, но за последние пару минут их количество резко убавилось. Мне показалось, что люди спешат убраться куда-то подальше, зато на дороге показалось сразу несколько машин, среди них – два милицeйских «уазика». До чего знакомая картина! Сразу навеивает нехорошие подозрения.

Секунда – и я, скатившись с крыши, прыгнула в снег, вбежала в старое здание и сразу попала в чьи-то, прямо скажем, не очень теплые объятия.

– Куда? – спросил Ловчий.

Всякий раз в его присутствии меня охватывало мучительное двойственное чувство, словно он одновременно и пугал, и привлекал меня.

Я рванулась, но вырваться из его рук было невозможно.

Он чуть насмешливо приподнял одну бровь, и я ужасно рассердилась – скорее даже не на него, а на себя.

– Могу и не спешить, – ответила я, прекратив бесплодные попытки освободиться. – Сейчас здесь начнется заварушка. Хотела занять место в партере.

Ловчий внимательно взглянул мне в глаза, кивнул, разжал руки и тут же исчез за дверью.

Вернулся он минут через пять и тут же собрал всю стаю.

– Нас обнаружили, – сообщил он. – Придется отбивать атаку.

Вампиры возбужденно загудели.

– Надерем им задницы!

– А вот и закуска пожаловала! – ревели они, хватаясь за оружие.

Арсенал диких, признаюсь, произвел на меня впечатление. Столько разнообразного оружия мне еще видеть не приходилось. Здесь нашлись старые винтовки со штыками, автоматы, ружья, обрезы и еще многое, что не поддавалось моей классификации. Все это в основном было не новое и большей частью самодельное. Особенное впечатление на меня произвел один громила ростом, наверное, два с лишним метра, притащивший нечто с огромным длинным дулом, на мой взгляд, сродни зенитным орудиям, только без колес. Я уважительно посмотрела на него, и владелец гордо оскалился, демонстрируя острые белые зубы.

– Маруся, – представил он свое орудие, любовно оглаживая его по изъеденному ржавчиной стволу.

– Очень приятно. Знакомиться ближе не буду, – сообщила я, и громилы дружно заржали, в полной мере оценив мое супертонкое чувство юмора.

Не желая оказаться в самой гуще заварухи, я отошла в сторону, и тут ко мне приблизилась Королева.

– Держись возле меня, – велела она. – Я не хочу, чтобы ты пострадала. Пока что просто смотри, не вмешивайся.

Я кивнула. Снаружи все еще было тихо, и я закрыла глаза, пытаясь прислушаться, чтобы понять, что же там проис-

ходит. И только я сделала это, как словно вживую увидела несущуюся на нас огненную стену. Пламя надсадно гудело, и темное небо озарялось его багряными всполохами. Мне стало страшно, и я представила, что перед нами, по всему периметру здания, выросла ледяная стена. В тот момент, когда стихии столкнулись, я почувствовала слабый удар и покачнулась. Во все стороны полетела ледяная крошка, но и огонь словно захлебнулся, его языки встревоженно заметались и стали опадать.

Огонь и лед – все смешалось и закружилось перед моим мысленным взором, и я почувствовала, что слабею и медленно оседаю на пол.

Когда я пришла в себя, всюду грохотали выстрелы. Откуда-то валили густые клубы черного дыма, слышались вой и нестройные вопли.

Подле меня стояла Королева. Я видела, что она довольно улыбается.

– Что случилось? – рассеянно спросила я.

– Ты одна отбила их ментальную атаку. Я так и знала, что твои способности начнут раскрываться в подходящей обстановке!

Сейчас Королева диких как нельзя больше казалась похожей на повелительницу демонов. Ее тонкие губы были полуоткрыты, зеленые глаза сияли дикой яростью, а в беспорядке разметавшиеся по плечам локоны снова казались живы-

ми. Она вся была древняя ярость, огромная кошка, готовая к прыжку.

– Как давно я не видела хорошей битвы! – сказала она, кинув на меня быстрый взгляд. – Сейчас мы немножко развлечемся. Побудь пока здесь. Ты свое дело уже сделала... Я скоро вернусь.

Я привалилась спиной к стене. Вокруг грохотали выстрелы, поминутно что-то взрывалось, а с потолка летела штукатурка. Бой развернулся нешуточный. Судя по всему, нас штурмовали, но мы успешно оборонялись.

Через некоторое время появилась Королева. Она по-прежнему казалась очень довольной, и я увидела, что ее одежда забрызгана свежей кровью.

– Я принесла тебе подарок, – сообщила она. Из коридора вышел один из вампиров, входящих в состав ее свиты. Он нес какой-то сверток.

Опустив его передо мной на пол, вампир размотал ткань, и я увидела молоденького военного в камуфляжной форме. Ему на вид было, наверное, немногим больше, чем мне. Темные волосы прядями налипли на вспотевший, измазанный копотью лоб, а большие серые глаза смотрели удивленно и испуганно.

– Не хотят рисковать своими. Видишь, каких на задание отправляют? Он даже не знал, с кем ему предстоит сражаться! – сообщила Королева, указывая на молодого солдата. – Это тебе. Нужно восстановить твои силы. Не трать время по-

пусту, нам надо спешить, да и он теряет кровь.

Только теперь я заметила, что у юноши в боку зияет страшная рана.

Так вот почему он не двигается! Однако он в сознании и, похоже, слышит и понимает все. Я заколебалась. Мне действительно не помешало бы подкрепиться...

Было противно и как-то мерзко. Королева смотрела на меня, и я порадовалась, что Ловчий развлекается где-то в другом месте, а то непременно прокомментировал бы мою нерешительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.